

3. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Баку, 1992. С. 11.
4. Веселовский С.Б. Род и предки Пушкина в истории. М., 1990. С. 11.
5. Гофман М.Л. Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина // Новый журнал. Нью-Йорк. 1957. Кн. 51. С. 61–86. Статья также опубликована в книгах: Лики культуры: Альманах. Звучащие смыслы. (М., 1996); Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): В 2 т. М., 2000; Гофман М.Л. Драма Пушкина. Из наследия пушкиниста-эмигранта. М, 2007.
6. Золотарев С. А.С. Пушкин (Жизнь и творчество в биосоциологическом освещении) [Текст] / С. Золотарев // Родной язык в школе. 1926. Кн. 11–12. С. 18–33.
7. Золотарев, Сергей Алексеевич... [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотарев,_Сергей_Алексеевич
8. Спивак М.Л. Посмертная диагностика гениальности: Андрей Белый. Эдуард Багрицкий, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М.: Аграф, 2001.
9. Сухих С.И. Социологическая поэтика в русском литературоведении 1-ой половины XX века. Из лекций по истории русского литературоведения. Ниж. Новгород, 2006. С. 79–81.

*Чжан Хун (г. Киров)
Вятский государственный университет*

© Чжан Хун, 2016

«Я-рассказчик» в творчестве писателей третьего ряда

В статье анализируются жанрово-стилевые особенности и поэтика произведений «писателей из народа» первой трети XIX в., выявляется их типология в контексте «третьей культуры». Особое внимание уделяется рассмотрению категории «я-рассказчик» в произведениях А.А. Орлова.

Ключевые слова: русская литература, писатели из народа, третья культура, рассказчик

Среди нарративных, по классическому определению, жанров сильным тяготением к описательности отличается очерк. «Повествовательное произведение – это произведение, в котором не только повествуется (нарратором) история, но также изображается (автором) повествовательный акт. Таким образом, получается характерная для повествовательного искусства двойная структура коммуникативной системы, состоящей из авторской и нарраторской коммуникаций, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира» [1].

Манера ведения рассказа от Я-рассказчика уходит корнями в самые ранние произведения писателей XVIII в. и сохраняется, эволюционируя, на протяжении всего творчества писателей третьего ряда. Поэтому изучение становления и развития образа героя-рассказчика у писателей из народа в разные периоды творчества является актуальным.

Герой-рассказчик в прозе писателей из народа в некоторой степени – стилизация авторского «я». Я-рассказчик – активное начало в произведениях писателей из народа, производимое в строгом соответствии с комплексом идейно-художественных задач, стоящих перед автором, и обусловленная им. Я-рассказчик – это особый способ подачи художественной информации, под соответствующим углом зрения, идейно-нравственный, оценочный взгляд на происходящее. Именно речь героя-рассказчика цементирует все разнородные словесные элементы произведения в единое целое, а речь всех остальных персонажей при всей её индивидуализированности – это речь подчиненная, пропущенная сквозь интонационные «фильтры речи рассказчика». Рассказчик – это некая личность (например, персонаж), от лица которой ведётся повествование в художественном литературном произведении. В литературе рассказчик наблюдает и описывает то, что придумал автор. Иногда рассказчик чётко обрисован, иногда анонимен и расплывчат, иногда практически незаметен. Введение вымышленного рассказчика служит прежде всего впечатлению достоверности рассказа.

Анализ произведений А.А. Орлова [2] дает возможность представить «литературную» ситуацию и тенденции развития литературы определенного уровня в 1820–1840-х годах в России. А.А. Орлов являлся типичным представителем «писателей из народа», которые пытались «использовать» весь арсенал литературных приемов из высокой литературы, в том числе и прием введения «рассказчика». Однако талант «писателей из народа» был низок и несопоставим с писателями «первого ряда».

Историко-литературный интерес представляет «полемика» А.А. Орлова с Ф. Булгариным. Ф. Булгарин написал роман «Иван Выжигин», который вышел в Санкт-Петербурге в 1829 г. и стал первым в России бестселлером (всего было продано более десяти тысяч экземпляров). Ф. Булгарин писал в предисловии: «Прошло двадцать его лет с тех пор (писано в 1829 году), как я первый раз Вас увидел на поле сражения, в Финляндии, когда незабвенный граф Николай Михайлович Каменский вел нас к победам и вместе с нами преодолевал труды невероятные, противопоставляемые климатом, местоположением и храбрым неприятелем. Двадцать лет – много времени: пятая часть целого столетия! С тех пор многое переменилось в свете. Смотря философским оком на мир, я утешаюсь в моем ничтожестве тем только, что, при переворотах счастья, некоторые достойные люди, которых знал я прежде, достигли высоких степеней заслугами и постоянным стремлением к общему благу. Радость моя – бескорыстная. Я ничего не ищу, ничего не желаю, кроме уважения почтенных людей и благосклонности публики, которые стараюсь снискать моими трудами и тихою моею жизнью <...> Надеюсь, что Вы благосклонно примете сие письмо старого солдата, который променял саблю на перо, чтоб подвизаться за правду – по крайнему своему разумению!» Ф. Булгарин также вводит рассказчика, который «лично был знаком» с персонажем романа.

А.А. Орлов написал пародию на Булгаринского «Выжигина» под заглавием «Смерть Ивана Выжигина» (1831). Обиженные противники Пушкина видели во всём этом козни поэта. Ф. Булгарин не мог простить Пушкину того, что он ставил Орлова выше его. Так, критик того времени Ксенофонт Полевой называет Орлова «пошлым писакой, издающим отвратительные брошюры под разными циническими заглавиями». Переписку Пушкина с Орловым Ксенофонт Полевой объясняет тем, что поэту нравилось подстрекать Орлова к разным выходкам против Булгарина и Николая Полевого.

А. Орлов так начинает свой роман: «Я расскажу, как он кончался, и что с ним было перед смертью. Шутил, смеялся, разговаривал; вдруг постигла кончина! а это случилось вот как: был он на вечеринке у Госпожи Спицыной. Вот что значит, вот что значит закоренелая привычка!» Как можно заметить, введение приема «рассказчика» позволило А.А. Орлову писать так, как он говорит, и в то же время создавало иллюзию достоверности.

Такой же прием использует А. Орлов и в повести «Раскольник или веслоухие. Старинная повесть». Она начинается рассказом о том, как наказывал своему сыну Вахрамеем Рыжебородой перед отъездом на ярмарку: «Слушай-ка, Павлуша! До Ильина дня только десять дней...» [3] (с. 7, 10). Он дает очень хитрые советы, как обмануть «веслоухих»: вместо рома к чаю можно дать водки, перекрашенные сукна, подкрашенные меха все из Парижа, ножички, бритвы Английские, полотно Голландские, «фарфор Гарнеровский именуя Саксонским» [4] (с. 9–10). Далее наставления дает мать Павлуши. Она вспоминает, как она вышла замуж за старовера с Преображенского кладбища. Она говорит Павлуше, что можно честно торговать, соблюдать закон: «честному человеку Бог невидимо подает» [5] (с. 16). Сюжет повести разворачивается на ярмарке... Купцы Вахромеевы (отец и сын) обманывают покупателей: подделывают ярлыки, клейма, в чай подсыпают опилки. Этот обман раскрывается. Вахромеевы отец и сын под стражею отправлены в Москву. «Я-рассказчик» с осуждением и назиданием подводит «итог» происшествия: сын Павел «упрекал отца в злостных наставлениях <...> Сын понес наказание с раскаянием, а отец с ожесточением» [6] (с. 43). Такое нравоучение автор выводит из данного сюжета.

У А.А. Орлова «я-рассказчик» очень часто обозначается, в конце повести он как бы открывает себя: «Я, бывши на Преображенском кладбище, вспомнил там о Вахромееве; и пролил горькие слезы о заблуждении человеческом» [7] (с. 44).

Рассказчик «живет» в каждом конкретном тексте у А. Орлова. Чаще всего он непосредственный участник каких-то событий, однако этот прием не добавляет художественности романам писателя. Как отмечал А.И. Рейтблат, «Орлов, конечно, не удовлетворял читателей с серьезными требованиями, не удовлетворял он и вкусов неразборчивой толпы; его “народные сочиненьица”, правда, написанные иногда не без юмора и с знанием народного языка, не могли не только нравиться народу, но и, зачастую, быть

ему понятными. Раздраженный отзывами критики, чуткий к авторской славе Орлов наполнял нередко свои произведения полемическими выходками против своих критиков, намеками на своих литературных недругов; иногда же, к чему-то вставлял даже латинские цитаты и давал сведения, простому человеку вообще малодоступные».

Я-рассказчик даже в произведениях писателей из народа – это всегда воплощение какой-либо сути произведения, чаще всего с дидактическим уклоном. Я-рассказчик (назидатель) в произведении объединяет всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них определяет идейную и стилистическую доминанту.

Примечания

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 34–35.
2. Александр Анфимович Орлов родился около 1790 г. в селе Махра, Владимирского наместничества – умер в 1840 г. А.А. Орлов известен как писатель, сам себя называвший «народным» и написавший множество романов, из которых многие выдержали по нескольку изданий. По окончании курса в Троицкой-Лаврской семинарии, был некоторое время слушателем Московского университета, в котором курса не кончил. Отсутствие средств заставляло его, в поисках более или менее сносного места службы, часто переезжать из Москвы в Петербург и обратно. Орлов не имел успеха ни по службе, ни в литературе. Однако его произведения были довольно популярны в городской, мещанской среде. Жил он в крайней бедности.
3. Орлов А.А. Раскольник или веслоухие. Старинная повесть. С. 7–10.
4. Орлов А.А. Фарфор Гарнеровский именуя Саксонским. С. 9–10.
5. Орлов А.А. Честному человеку Бог невидимо подает. С. 16.
6. Там же. С. 43.
7. Орлов А.А. Смерть Ивана Выжигина (1831). С. 44.